

Митрофан Вистовский

Остров Крымль

Правдивые истории из жизни
прапорщика Моржового

Митрофан Вистовский
Остров Крымль. Правдивые
истории из жизни
прапорщика Моржового

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19052760

ISBN 9785447487492

Аннотация

Комедийная повесть. «Лежачих в палате было четверо – трое с переломами и пьяный фельдшер». Так началась моя карьера военного журналиста.

Содержание

Историческая справка об Острове Крымль	5
Глава первая. Правдивая история о том, как полковник Горобец проводил следственно-розыскные мероприятия	7
Глава вторая. Правдивая история о том, как я решил принести Родине пользу	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Остров Крымль
Правдивые истории
из жизни прапорщика
Моржового**

Митрофан Вистовский

© Митрофан Вистовский, 2018

ISBN 978-5-4474-8749-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Историческая справка об Острове Крымль

Остров Крымль – самый большой из всех островов, которые в эпоху глобального потепления возникли в Мировом Океане. Точную площадь Острова установить пока не удалось так как экспедиция, посланная на разведку дальних территорий, до сих пор еще не вернулась. По слухам, членов этой экспедиции видели где-то в трюсцолах Таиланда, где они с успехом исполняли крымляндские народные частушки на тайском языке, но на официальном уровне эта информация подтверждения пока не нашла.

Не удастся также установить и точную географическую принадлежность Крымля – европейцы считают Крымляндию частью Азиатского архипелага, тогда как азиаты склонны относить крымлян к европейцам. Сами же крымляндцы ничего по этому поводу не считают, поскольку в равной степени не верят ни тем, ни другим.

По свидетельствам античных историков крымляндцы являются людьми добродушными, но драчливыми. Так, французский путешественник Бонапарт сообщает, что на полпути путешествия по Острову его остановил какой-то одноглазый хулиган, который безо всяких на то оснований отходил незадачливого француза здоровенной дубиной по бокам и потом

еще долго гнался за ним, подгоняя унижительными пинками и улюлюканьем.

По своему государственному устройству Остров Крымль представляет собой ясно выраженную анархическую монархию. Во главе Острова, по слухам, стоит исполняющий обязанности президента Царь, чьи полномочия подтверждены Царь-пушкой, Царь-колоколом, а также самим Царем. О другом политическом устройстве Острова известно немного, поскольку лингвисты до сих пор не могут расшифровать первую строчку крымляндской конституции, гласящую: «Закон – это часть лошадиной упряжи, которую поворачивают туда, куда надо ехать кучеру».

В целом жизнь на Острове интересна и разнообразна, чему немало способствует живость многонационального характера ее обитателей.

Из Большой Электронной Энциклопедии (Б-Э-Э)

Глава первая. Правдивая история о том, как полковник Горобец проводил следственно-розыскные мероприятия

Лежачих в палате было четверо – трое с переломами и пьяный фельдшер. Моя кровать стояла второй от окна. На этой кровати я и сидел, размышляя о том, как же мне повезло, и какие замечательные перспективы открывает передо мной лежание в полковом лазарете.

Повезло же мне вот в чем: на прошлой неделе я был командирован в дважды краснознаменный горобцовский полк с целью написать серию правдивых патриотических очерков о суровой и полной опасности воинской службе простых русских парней, и теперь, когда волею случая и судьбы я оказался на койке армейского лазарета, радовался возможностям, которые открывает передо мной непосредственное общение с героями моих будущих произведений. Известно ведь, что ничто так не располагает к откровенности, как совместное лежание в госпитале. Для меня, как для журналиста, это было большой удачей.

За окном лазарета полковник Горобец строил вверенный ему полк. Не в пример мне, настроение у полковника было

отнюдь не безоблачным. Стоял он шагах в пятидесяти от окна, но даже с этого расстояния нетрудно было разглядеть, как по его лицу гуляют подозрительные пятна. Во всем его облике читалось что-то окаменевшее.

Я же продолжал сидеть и размышлять о своем журналистском везении. Взять, хотя бы, прапорщика Моржового, чья койка стояла рядом с моей. Он был первым, с кем я познакомился по своему прибытию в полк. Тогда прапорщик еще не лежал на больничной койке, закованным в гипс, а только-только собирался влезть на крышу казармы, чтобы снять оттуда большой рулон рубероида. Меня он попросил подержать лестницу, а когда уже нас несли в лазарет, здесь-то мы и познакомились поближе.

Одного взгляда на Моржового было довольно для того, чтобы понять – он был опытным воином и мог рассказать о воинской службе много чего интересного. Разве это не везение? Да любой журналист подтвердит вам, что это самое настоящее счастье! Как говорится, повод для радости был на лицо.

К тому же, рулон рубероида, из-за которого я попал в лазарет, оказался не очень упругим и задел мою голову только краешком. Сотрясение вышло, прямо скажем, пустяковое.

Хуже было с пальцем – пока я пытался удержать шаткую деревянную лестницу, на которой балансировал прапорщик, в мой палец угодила большая острая заноза, а палец, как известно, для журналиста – орудие производства. Без пальца

ни статью толком не напишешь, ни информацию не добудешь.

Еще один небольшой минус заключался в том, что помимо прапорщика Моржового прочие обитатели палаты были не очень разговорчивы, поскольку лежали на своих койках наглухо упакованные в гипс. Гипс у них был повсюду, даже на челюсти, а, как известно, загипсованная челюсть к общению не располагает.

Один из этих бедолаг служил штурманом полковой авиации, второй, как мне показалось, матросом. Последнее было довольно странно. Я еще мог понять, как в нашем лазарете оказался авиатор – в конце концов, если летаешь на такой высоте, а потом падаешь оттуда, то гипс и лазарет – это еще не самое худшее, что может приключиться, но вот откуда мог упасть матрос – оставалось для меня загадкой.

Впрочем, все равно плюсов в моем положении было куда больше, чем минусов, и я от души радовался тому, что в лице прапорщика Моржового передо мной был настоящий герой для первого очерка. Он лежал на своей койке и незаметно пытался побить моего короля бескозырной десяткой.

– Моржовый, кончай мухлевать, – попытался урезонить я прапорщика. – Десятка короля не бьет.

– Какая десятка! – возмутился тот, – я туза бросил.

– А это что?

Карта в моей руке явно свидетельствовала не в пользу Моржового.

– Черт, я думал это туз...

Увы, на десятерного туза десятка была не очень похожа.

– Слушай, Моржовый, – предупредил я своего боевого товарища, – если будешь мухлевать, я за пивом не пойду.

В этот момент полк за окном был окончательно построен и по косвенным признакам я догадался, что сейчас полковник Горобец начнет проводить дознание по поводу пропавшей со склада тушенки. Он угрюмо оглядел стоящий перед ним строй и как бы нехотя поинтересовался:

– Ну что, товарищи бойцы, будем признаваться, кто тушенку стырил?

Если бы не внушительных размеров Маузер, который полковник сжимал в правой руке, никто бы и не уловил в его словах никакого намека. Вопрос был задан по существу и явно предполагал своевременный ответ, однако по глазам бойцов было видно, что признаваться они не намерены.

Следствие зашло в тупик.

Эта неудача озадачила командира. Пятна на его физиономии увеличились в размерах, достигнув размеров большой пятикопеечной монеты царской чеканки. Он еще раз оглядел стройные шеренги бойцов, почесал стволом Маузера взопревший лоб и снова поинтересовался:

– Значит, в молчанку будем играть?

Лично мне огорчение командира было понятным. Несмотря на то, что сам я еще на прошлой неделе был человеком гражданским, но даже и мне было доподлинно из-

вестно, что тушенка в армии – продукт стратегический, к тому же, полезный. Без тушенки в армии никак нельзя. Без тушенки армия – все равно что бронепоезд без рельсов.

А тут еще так случилось, что вчера вечером полковник Горобец как раз вернулся из отпуска, и вот что интересно: когда уезжал, тушенка была – полковник лично запер ее на складе, опломбировал замок и увез с собой единственный экземпляр ключей, а когда вернулся, тушенки уже не было. История выглядела запутанной и странной. Журналистское чутье подсказывало мне, что просто так теперь это дело не кончится.

Что же касается Моржового, то он имел на этот счет собственное мнение.

– И чего так раскипятился? – пожал плечами он, имея в виду полковника. – Тушенку кониной заменить можно. Не говядина, конечно, но тоже сойдет.

– А конину где взять? – усомнился я, однако сбить прапорщика с толку такие пустяки не могли.

– Конину у кавалеристов позаимствовать можно, – пояснил мне он. – Они нам конину, а мы им – роту солдат.

– Навсегда?

По моим представлением такой обмен был не совсем равноценным.

– Зачем навсегда? – прапорщик пожал плечами. – На время. Для строительства новой конюшни. Построят конюшню и обратно в часть. Взаимодействие войск.

Строй на плацу стоял по струнке, но никаких осязаемых результатов допрос подозреваемых все еще не давал. Видимо, по этой причине полковник решил сменить тактику и громко рявкнул:

– Под трибунал захотели, мерзавцы? Всех под суд отдам! Равняйся! Смирно! Последний раз спрашиваю: какая сволочь тушенку стырила?

Моржовый опять не обратил на рев командира никакого внимания.

– А еще конину у колхозников позаимствовать можно, – продолжил он развивать свою мысль. – Я, вон, в прошлом году в колхозе за ящик мин целого коня выменял. Замечательный был коняга!

Слова прапорщика прозвучали внушительно и веско. Мне, правда, было не очень понятно, зачем колхозникам понадобились мины и что Моржовый делал с добытым конем, тем не менее я догадался, что обмен был произведен неспроста. Глядя в сосредоточенные глаза Моржового, трудно было поверить, что он вдруг станет что-либо обменивать просто так безо всякого смысла. Если поменял, значит так было нужно.

Все это еще больше переполнило мою журналистскую душу чувством уверенности – прапорщик Моржовый был просто кладезем различных историй, столь необходимых мне для продвижения моей карьеры газетчика. Я уже предчувствовал, какой успех среди читающей публики возымеют

патриотические рассказы прапорщика, полные опасных приключений и суровой романтики!

– Так и будем молчать, уроды? – долетал до нас через открытую форточку полковничий бас.

Моржовый продолжал лежать на жесткой койке лазарета и незаметно пытался достать из рукава бубнового туза, сброшенного в отбой пять ходов назад. Я молча остановил его руку и даже не огорчился – что значили подобные пустяки в сравнении с теми возможностями, которые открывались передо мной благодаря знакомству с прапорщиком?

А ведь еще на прошлой неделе я даже не догадывался о его существовании и даже не подозревал, с каким замечательным человеком сведет меня судьба. Ну а началось все с обыкновенной мухи.

Глава вторая. Правдивая история о том, как я решил принести Родине пользу

Вся наша жизнь соткана из мелочей, и это не высокие слова, это факт, замеченный мною уже давно. Весь мой житейский опыт, зачастую трагический, явственно показывает, какое огромное значение имеют в человеческой жизни всякие мелочи и пустяки. Взять, хотя бы, муху – глядя на эту микроскопическую тварь трудно даже представить, какую роковую роль может сыграть в нашей судьбе оное насекомое. В мой же судьбе оно играло таковую роль неоднократно.

Не далее чем в прошлый четверг я сидел на своем рабочем месте в редакции и размышлял о высоком призвании журналиста. Работа мне нравилась. Ну а как могло быть иначе, если я, Митрофан Вистовский, работал штатным сотрудником в газете «Жареные факты», а что может быть достойнее и выше, чем нелегкая обязанность журналиста снабжать людей достоверной и нужной информацией?

Тогда я еще не подозревал о том, что переменчивая журналистская судьба вскоре пожелает, чтобы я сменил уютное кресло кабинета на погоны младшего лейтенанта запаса. Мысль о том, что из обычного гражданского журналиста жизнь вскоре сделает из меня военного корреспондента, по-

просту не приходила мне в голову. Я был полон радужных надежд и справедливо полагал, что с успехом могу потрудиться на благо родной Отчизны, не выходя за пределы редакционного кабинета.

Единственное, что портило мне в тот день настроение, была большая зеленая муха. Она назойливо зудела у меня над головой и упорно мешала сосредоточиться.

Сотрудники редакции все как один разъехались по своим журналистским делам, так что в кабинете никого, кроме меня и мухи, не было.

Отмахнувшись от надоедливого насекомого, я вернулся к своей недописанной работе, которую начал еще с утра. На самой макушке листа в красивых чернильных вензелях значилась емкая фраза: «Уважаемый Владимир». Вторую фразу к тому моменту написать я еще не успел.

В принципе, дело было несложным. Зная, сколь ответственно и серьезно я подхожу к любому заданию, редактор поручил мне поработать с читательской почтой и попросил дать развернутые ответы на всякие злободневные письма наших читателей. Читатели присылали в любимую газету животрепещущие вопросы и кто-то должен был помочь этим людям разобраться в тонкостях современной политики, а также в многочисленных сложностях и перипетиях непростой современной жизни.

Я еще раз пробежал глазами по рукописным строкам письма, присланного в редакцию читателем с простым рус-

ским именем Владимир. Проникновенные строки гласили:

«...Вчера в трамвае на мою просьбу подвинуться какой-то гражданин выпал из трамвая и обозвал меня хамом. Почему в нашей стране люди матерятся, вместо того, чтобы просто подвинуться?».

Вопрос был поставлен актуально и остро. Владимир ждал от меня чего-то конструктивного, но едва только в моей голове замаячило начало второй строки, как в этот момент глупое насекомое перестало биться головой об оконное стекло и со всего размаху больно врезалось мне ухо.

Это было досадно. Тем не менее, я решил не придавать этому факту большого значения и снова вернулся к работе, однако вдохновение мое к тому времени куда-то улетучилось. Тяжело вздохнув, я наугад достал из мешка новое письмо, втайне надеясь, что вдохновение еще вернется.

«Недавно у нас с мужем, – пылало строками письмо от некой домохозяйки Люси, – произошел политический диспут. Муж сказал, что одобряет политику американского президента, а я дала ему сковородкой по голове. Скажите, кто из нас прав?».

Ответ у меня родился быстро. На подобные вопросы мне уже приходилось отвечать неоднократно.

«Уважаемая Люся, – уверенно записал я на листке бумаги, – правда на Вашей стороне! Сковородка-то была у вас...».

Порадовавшись первому успеху, я собрался было продол-

жить начатое дело, но и муха не отказалась от своих попыток испортить мне настроение. Пока я писал ответ, она то садилась мне на нос, так и норовя заползти в самую ноздрю, то зависала прямо над ухом, издавая отвратительный гул, отдаленно напоминающий рев турбин реактивного истребителя, и наконец приземлилась прямо на бумажный листок с явным намерением нагадить на только что написанные строки.

– Ах ты, сволочь, – искренно возмущился я. К этому моменту я уже начал понимать, что вместе с мухой нам в одном кабинете ужиться никак невозможно. Кто-то из нас должен был уйти.

Муха ловко увернулась от моей ладони, немного покружила по кабинету, и наконец присела отдохнуть на входной двери кабинета. Там-то она и чистила свои насекомые лапы, еще не догадываясь о моих решительных настроениях. Взяв со стола увесистую папку, я на цыпочках подкрался поближе к вредоносному существу. Медлить было нельзя.

Стараясь не шуметь, я занес над головой оружие возмездия и что есть силы нанес по зазевавшейся сволочи сокрушительный удар. Кто же мог подумать, что именно в этот миг главный редактор надумает заглянуть в кабинет? Естественно, муха, воспользовавшись обстоятельствами, успела улизнуть, а сокрушительный удар пришелся прямехонько в темя моего начальника.

Хорошо хоть редактор оказался человеком интеллигентным. Он не стал поднимать скандала, а только потер ладонью

пострадавшую лысину и с некоторым удивлением спросил:

– Ты что, ополумел, что ли, Вистовский?

– Да я муху хотел убить, – попытался оправдаться я, однако что-то мне подсказывало, что теперь мне будет непросто ужиться под одной крышей не только с мухой, но и с начальством.

– Муху, – проворчал тот и сменил тему, – значит так, через пять минут жду у себя в кабинете.

– Да я правда по мухе хотел попасть, – еще раз попробовал оправдаться я.

– Да причем здесь муха, – отмахнулся редактор и огорченно ушел.

Еще одно трагическое стечение обстоятельств состояло в том, что именно в тот роковой день редактор обдумывал, кому бы ему поручить серию очерков об армейской службе. Задание было ответственным, доверять его кому попало было нельзя. Здесь требовался человек с хорошими нервами и журналисткой смекалкой.

Когда, полный нехороших предчувствий, я заглянул в кабинет редактора, там уже сидело человек пять журналистов из соседних отделов и еще какой-то полковник из местного военкомата. О мухе редактор и не вспоминал.

– Стало быть так, – открыл свое выступление он, когда все наконец расселись за большим редакторским столом, – правительство нашего Острова ставит перед нами ответственную задачу.

Он развернул какую-то бумажку с большой гербовой печатью и зачитал:

«В целях усиления патриотического воспитания молодежи и для активизации армейского призыва срочно разработать и внедрить в массовое сознание позитивный образ современного военнослужащего. Число. Подпись».

В кабинете повисла напряженная тишина. Редактор отложил телеграмму в сторону и задумчиво произнес:

– В принципе, дело это добровольное. Пресса у нас свободная, так что мы вполне можем отказаться от возложенного на нас поручения.

Как бы стараясь найти подтверждение своим словам редактор взглянул на молчаливо сидящего полковника. Полковник со знанием дела кивнул и строго оглядел всех присутствующих. В его глазах читалось, что никаких репрессивных мер, кроме закрытия нашей газеты, за подобный отказ нам действительно не грозит.

Впрочем, каждый из нас и так сознавал, насколько важным является это задание. Страна жаждала услышать новости о героях, которые стойко переносят тяготы и лишения воинской службы, охраняя покой родной Отчизны, а в газетах, как назло, появлялись только гнусные пасквилы, позорящие честь армейского мундира.

Дело дошло до того, что многие молодые люди, начитавшись про армию всяких гадостей, наотрез отказывались идти на престижную воинскую службу, а вместо этого прибегали

ли к всевозможным уловкам – прикидывались идиотами, выдавали себя за слепых, глухих и безногих, поступали в институты, получая индульгенцию от призыва, а иные и вовсе наглым образом не являлись в военкомат по повестке. Ситуация становилась просто тревожной. В скором времени вполне могло стать так, что некому будет стоять на боевом посту и стирать старослужащим портянки!

Так что оспаривать серьезность этого положения вещей было бы неправильно. В глубине души каждому на Острове было ясно, что стране нужен был эталон, глядя на который молодежь пропиталась бы патриотическими настроениями и сама бы потянулась на призывные армейские пункты.

Кто-то рассказывал мне, что именно ради создания такого эталона правительство Острова не так давно профинансировало съемки популярного патриотического фильма из жизни обычного строевого подразделения. Несколько месяцев лучшие режиссеры Острова трудились над созданием грандиозной ленты. Они тратили сотни километров лучшей пленки, снимали армейские пейзажи на лучшие камеры, выбирая самые подходящие ракурсы, а чтобы сгладить отдельные шероховатости, использовали специальный прибор, который запикивал специфические слова и выражения. По этой причине у некоторых зрителей создавалось впечатление, что военные общаются между собой исключительно на морзянке.

Но особые надежды армейское командование возлагало на печатные средства массовой информации – в газетах даже

запикивать ничего не требовалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.